

Я выбираю эту
правду

Гудкова Татьяна

Гудкова Татьяна

Я выбираю эту правду

«Автор»

2025

Татьяна Г.

Я выбираю эту правду / Г. Татьяна — «Автор», 2025

Конфабуляция — ложное воспоминание. А что, если вся твоя жизнь построена на конфабуляциях? История о том, как научиться жить с собственной правдой — даже если она может оказаться ложью. Откровенная исповедь о поиске себя через потери, боль и попытки понять.

© Татьяна Г., 2025

© Автор, 2025

Гудкова Татьяна

Я выбираю эту правду

Конфабуляция – ложное воспоминание. Мне кажется, что все мои воспоминания ложные, и я строю их, чтобы собрать себя по крупицам, придумать себя заново, сформировать хотя бы что-то, что бы мне доказывало, что я есть.

Меня всегда мучил образ, где я в белом платье. Было оно или не было? Я помню только один эпизод с ним. Я кружусь от счастья и смотрю на юбку, которая поднимается как солнце и закрывает собой асфальт.

Его не могло не быть. Я была слишком счастливой, чтобы его не было. Но однажды мама сказала, что никогда не покупала светлых нарядов, это было слишком расточительно. “Не настаиваешь на тебя”. Поэтому я не решалась у нее спросить напрямую, было ли у меня белое платье. Может оно было не моим, а мне дала поносить подружка, а может мне его купила не мама, а какая-нибудь крестная, гостившая проездом.

Сначала я очень боялась задать вопрос об этом и услышать другую правду, а потом поймала себя на мысли, что и знать не хочу. Было – не было – это же не важно. Главное, когда я вспоминаю, как кружусь в нем, во мне, сегодняшней, разливается, как теплое молоко с медом, что-то такое вкусное и обволакивающее, что я ни за что не откажусь от этого.

Если быть честной, мамы уже давно нет. А папы никогда не было. Детей, которых мама рожала, она оставляла в роддоме. Всех, кроме меня. Почему я? Она не отвечала на этот вопрос. Она даже не могла толком назвать, сколько детей у нее было. 4-5? “Это с тобой или без тебя?”, она не помнила.

– Мам, давай поедem туда и всех заберем...

Зачем она мне рассказывала про них, если мы не могли их забрать? Зачем она холила и лелеяла тоску во мне по этим детям? Почему она сначала заставила поверить в то, что я исключительная, так как она выбрала из всех меня, а потом обвинила в этом же, повесив непомерный крест за тех, кого она когда-то бросила.

Белое платье.

Когда мне было лет 12 я ехала с мамой в плацкартном вагоне. Было странно, что он был почти пустой. Мама спала на нижней полке, я лежала с закрытыми глазами на верхней. К нам подошел какой-то мужик, вроде это был проводник. Он встал рядом, засунул свою руку под мое одеяло и начал гладить ногу. Я не знала, что делать. Как нужно поступать в такой ситуации? Закричать? Но кто мне поверит, он же взрослый. Может открыть глаза? А что дальше? А что если будет продолжать, глядя мне в глаза? Тут проснулась мама и ушла куда-то с этим мужиком. А я лежала на спине, пялясь в полку сверху и думала, что она меня снова спасла.

Белое платье.

Мы с подругой пошли в какой-то заброшенный дом. Кажется, она обещала, что там будет любовь и все такое, но без подробностей, просто сказала: “тебе понравится...”. Она была старше меня лет на 5: знала больше и понимала эту жизнь лучше. Но она ошиблась. Там в заброшенном доме, при дневном свете, в толпе каких-то разновозрастных ребят любви не было. Было все без любви. Жутко, больно, и непростительно гадко. Но я их простила. Каждого. Простила много лет спустя, когда потеряла сына. Потому что нет ничего больнее, чем смерть ребенка. И я бы еще пошла в тот заброшенный дом. Если бы это спасло сына. Но его нет. А все остальное не так и важно.

Белое платье.

Я долго не могла понять, почему когда я хочу вспомнить что-то из детства, я проваливаюсь в чернушные воспоминания. Я ищу крупички счастья, а на меня обрушивается непро-

будная чернота. Но ведь это же неправда. Неужели я не смеялась, не радовалась подаркам, не смотрела мультфильмы, не пила какао, не рисовала мелом, не танцевала под дождем? Ведь не может быть, чтобы все было таким черным. Наверное, мне выгодно так думать, или мне просто хочется поплакать, а мозг достает из своих коробочек воспоминания, с которыми это возможно. Плакать это хорошо, я не то, чтобы не люблю, но редко плачу, как-то все недосуг. Сложно понять, где плакать надо. Вот когда тут больно – можно? А когда тело не болит, но горло как будто сейчас разорвется – уже можно?

Кажется, что я была не плачущим ребенком, просто потому что не умела плакать. А мой волонтерский психотерапевт сказала, что все это умеют и предложила поискать свои слезы. Но это же не яйцеклетки, чтобы они копились и их запас где-то хранился. Я не смогла. Я их не нашла ни когда маму хоронила, ни когда сына потеряла.

Хотя нет, неправда. Помню, стою у окна. В больнице. Как раз, когда узнала про сына. Смотрю, на улице тучи, листва падает, их ветер порывами сметает охапками с деревьями и вальсы танцует. А я смотрю думаю, вот бы умереть тоже осенью. Красиво: ты умираешь, а ветер вальс танцует. И вроде праздник. И в этот момент ко мне подошел доктор. Он взял мои руки, положил себе на плечи и так крепко-крепко обнял. Мне даже показалось, что я в доктора в этот момент вырастаю, что не слезы из глаз, а вода струями брызнула. И я не до конца сейчас понимаю, что это было. Но это было словно гной вышел из раны, из фурункула, который вскрыли, чтобы тело не заразилось.

В детстве у меня ничего не было, кроме одной самой красивой куклы. Может и некрасивой, но я придумала, что она у меня самая красивая. Я сделала ее сама из палки и платка. Я укладывала ее спать, кормила и в целом стала неплохой для не мамой. Но однажды я вышла с ней на улицу. И тут случилось то, чего не должно было произойти. Кто-то подошел ко мне и спросил, что я держу. Я молча показала. Этот человек взял куклу и раздел. Внутри оказалась просто палка. Я и сама увидела, что это палка. Обычная. Что это не кукла, что у нее нет рук, ног, рта. Этот кто-то подержал её в руках и потом отдал мне. Отдельно палку и отдельно платок, в который она была завернута. И это стало моей первой потерей. Вдруг я поняла, что у меня нет больше куклы. Именно в тот момент, когда кто-то ее раскрыл, и я увидела всё так, как видят остальные. Я держала в одной руке палку, в другой платок и никак не понимала, как я могла считать это куклой, и куда она исчезла.

Когда я рассказала об этом подруге много лет спустя, она спросила, “а сейчас ты знаешь, куда исчезла твоя кукла?”. Да. Я перестала в нее верить, потому что в нее никто не верил.

– Значит ты не можешь верить во что-то, потому что в это не верит кто-то другой?

Белое платье.

Моя история про поиск себя началась неожиданно. Парень, с которым я дружила, сделал мне предложение. И я подумала, а имею ли я право выходить за него замуж? Достойна ли я его? А что если это ошибка, и он будет мучиться от того, что я рядом с ним? А что если я испорчу ему жизнь, а что если... я отказала ему, и он позже нашел другую девушку, с которой, как мне кажется, счастлив.

Я думаю, что была права, и у нас ничего бы путного не вышло, однако, я сама испугалась своего решения и своей ничтожности. Я стала вести записи для себя. Они начинались со слов – сегодня могла бы быть моя свадьба. Написав это, я решила выпить шампанского, сходить в кафе, купить себе красивое платье... И день получился по-особенному прекрасен. Он удивил меня. Он был лёгким, как бриз, свежим как лимонад.

Затем я написала – “я не жалею”. О чем именно, мне было не очень понятно: то ли о не состоявшейся свадьбе, то ли о прошедшем дне, то ли о том, что я родилась и мне уже даже не 20. Однако после этих слов, я включила музыку и стала танцевать.

Возможно, мои танцы были неуклюжими и странными, но я чувствовала ритм и свое тело. Я подумала, что мне стоит пойти в какую-нибудь студию. И... не пошла. Я решила, что моя квартира – это и есть моя студия. Я не смогла стать частью тех, кто танцует вместе.

Вообще-то у меня есть одно очень теплое воспоминание из прошлого. Когда мне было 16 лет, мне в любви признался один парень. Я не знаю наверняка был ли он искренен. Он смотрел мне в глаза, улыбался.

– Чего улыбаешься?

– Люблю тебя.

Это было так неожиданно и так горячо внутри, будто шоколад расплавился и стал тягучим и приторным. Он долго смотрел, а потом ушел. А после я дома тоже смотрела на себя в зеркало, и в голове на повторе звучала его фраза. Люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя. Кажется, он первый человек, который мне это сказал. Моя волонтерский психотерапевт спрашивала меня, а часто ли я вспоминаю об этом сейчас. Нет, почти никогда. Только однажды. Когда я познакомилась со своим будущим мужем, с которым впоследствии развелась. Я долго не соглашалась выйти за него замуж.

Когда мой будущий муж надевал кольцо, в моей голове звучали слова признания в любви того первого парня. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Это был яркий момент. Кажется, он меня успокаивал.

Мозг пластичный, говорили мне, когда я решила выучиться на врача. Я сама повторяла себе это, когда ждала, что та или иная рана зарастет, и я перестану ее воспринимать как рану, а все просто покроется слоем пыли. Я ждала, и иногда это происходило само собой, но потом, что-то случалось. Порой дул ветер, и эта пыль слетала с раны, она оголялась. Но я повторяла, мозг пластичен, я привыкну, я перестану болеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.